

Эмиль: «Как ты выбрался?»

Линь Цзюэ: «Меня выпустил NPC-монахиня. Мне нужно пойти умыться».

В коридоре игроки один за другим высовывали головы, показывая пытливые выражения.

Бай Лисинь вернулся в свою комнату и подошел к окну, чтобы выглянуть наружу.

Трава была зеленая, ветки густые, небо чистое, белели облака.

Даже солнечный свет был ярким и ослепляющим.

На заднем дворе был яблоневый сад, который нельзя было увидеть с того места, где стоял Бай Лисинь.

Насколько мог видеть глаз, был большой пышный лес, а за ним было бескрайнее море воды.

Когда он смотрел отсюда, у него было ощущение, что он смотрит вниз. Океан вдалеке не был вычерчен в линию, и синие волны все еще были видны.

С этой точки зрения казалось, что они находятся на холме, который тянулся от высокого к низкому.

Глядя в сторону, за окном виднелась длинная извилистая асфальтированная дорога, уходящая в лес.

Дорога была единственной дорогой, которую он мог видеть, ведущей наружу.

В целом Дом Красного Яблока больше походил на изолированное место.

Вдали от шума и суеты толпы, в одиночестве посреди острова.

Было неясно, было ли это сделано для того, чтобы уберечь их от загрязнения и шума или для того, чтобы лучше заключить их в тюрьму.

Вчерашние гости называли их «надеждой», что, должно быть, было какой-то зацепкой или намеком.

Прошла всего одна ночь, а у них было пять дней и четыре ночи на разведку.

На этот раз личность Ди Цзя должна была быть личностью нежити, которая могла появиться только ночью, но он все еще не знал значения метки Ди Цзя.

Пока Бай Лисинь думал, Ся Чи уже закончил умываться. Он вышел из ванной легкими шагами и подошел к Бай Лисиню.

— Брат, на что ты смотришь?

Бай Лисинь молча посмотрел на Ся Чи.

После крепкого ночного сна Ся Чи, чье лицо вчера было бледным от вины и паники, сегодня уже светилось. Щеки его порозовели, а глаза помолодели.

Когда он улыбался, его белые зубы блестели особенно ярко.

Бай Лисинь: «Ты выглядишь счастливым?»

Ся Чи застыл на пару секунд и спрятал улыбку.

Он в замешательстве опустил голову и напряженно думал: «Кажется, прошлой ночью мне приснился хороший сон, но я не могу вспомнить, что это было».

Бай Лисинь: «Я слышал, как ты вчера выкрикивал имя «Тань Юэ».

Поникие плечи Ся Чи слегка напряглись, когда он удивленно поднял голову и задумался: «О, да. Теперь, когда ты упомянул об этом, мне кажется, что Тань Юэ приснился мне».

Бай Лисинь лениво прислонился к окну, и яркий солнечный свет упал на него.

В пятнистом солнечном свете юноша выглядел так, как будто он был позолочен золотым сиянием, и когда Ся Чи поднял взгляд, теплый солнечный свет заставил крошечные пушистые волоски на щеках Бай Лисиня стать теплым золотым цветом.

Он был ошеломлен на пару секунд и неосознанно сказал: «Брат, ты такой красивый».

Бай Лисинь склонил голову набок, поднял брови и продолжил: «Ты помнишь, что ты делал во сне прошлой ночью? Подумай об этом хорошенько».

Состояние Ся Чи было не совсем правильным.

Сейчас он выглядел слишком комфортно.

Даже если он был новичком, который участвовал всего в 3 играх, он знал, насколько опасны копии. Согласно здравому смыслу, он никогда не достиг бы такого полностью расслабленного состояния во время копии, как сейчас.

Ся Чи нахмурил брови и, тщательно подумав, все же покачал головой: «Я забыл, брат. Я просто чувствовал себя таким счастливым. Я думаю, что это был прекрасный сон, так как по утрам у меня особенно хорошее настроение».

Видя, что Ся Чи действительно ничего не помнит, Бай Лисинь не стал нажимать дальше и повернул голову, чтобы продолжить смотреть в окно, его взгляд был глубоким и тяжелым.

Ся Чи подошёл и проследил за взглядом Бай Лисиня: «О чем ты думаешь, брат?»

Бай Лисинь: «Я думал о том, откуда взялись эти вчерашние гости».

Он указал на море: «Похоже, мы посреди острова».

Ся Чи крепко задумался: «Верно, о, эти фальшиво улыбающиеся гости ехали вчера. Но ты можешь увидеть только половину вида отсюда. Как ты узнал, что это остров?»

Бай Лисинь открыл окно, и тут же ворвался легкий соленый морской бриз.

Белоснежные шторы были подняты, закрывая большую часть тела Бай Лисиня, открывая только его стройную шею и теплое, красивое лицо.

«Инстинктивно, давай найдем возможность позже взглянуть на другую сторону».

Слова Бай Лисиня вернули Ся Чи в чувство, его странно расслабленное настроение после пробуждения снова упало, а его дух снова напрягся.

Вспоминая свое душевное состояние после пробуждения, Ся Чи посмотрел на Бай Лисиня со слегка раздраженным выражением лица: «Брат, неужели я только что был слишком взволнован и расслаблен?»

Бай Лисинь вздохнул: «Немного».

Лицо Ся Чи слегка изменилось, а черты лица исказились: «Это из-за копии?»

"Не уверен." Занавески качнулись со «шуршащим» звуком, и взгляд Бай Лисиня упал на

лекарство у окна: «Это могло быть лекарство. Возможно, ты был слишком напряжен, и твое тело из чувства самосохранения сплело тебе прекрасный сон, а может быть, это и сама копия».

«Пойдем посмотрим, как дела у остальных. Если у всех такое же настроение, как у тебя, это не личная проблема».

Ся Чи поджал губы, и его сердце начало колотиться: «Тогда почему бы мне не пропустить прием лекарств сегодня вечером? Брат, что приходило ночью?»

Разум Бай Лисиня немедленно вспомнил этого холодного «брата».

Его щеки внезапно слегка покраснели, и он слегка кашлянул: «Призрак».

И без того надуманное выражение лица Ся Чи полностью онемело, и его тело застыло на месте, когда он споткнулся на своих словах: «Что за призрак?»

В сознании Бай Лисиня медленно возник образ Бога. Он чуть свернулся клубочком в белоснежном одеяле, когда сзади подошла холодная грудь...

Его плечи напряглись, а покрасневшие щеки Бай Лисиня запылали еще сильнее. — Кхм, не знаю, я глаз не открывал, только звуки слышал.

Душа Ся Чи уже дрожала, но он все же спросил: «Что ты слышал?»

— «Брат Цзя любит тебя».

Подул морской бриз, и шторы резко поднялись, полностью скрыв за собой Бай Лисиня.

Щеки Бай Лисиня приобрели розовый цвет персика, когда он глубоко вздохнул и снова выдохнул: «Этот призрак может имитировать голоса других людей, и он имитировал твой голос, чтобы позвать меня. Если ты случайно проснешься ночью сам по себе, не отвечай. Даже если ты услышишь мой голос, скорее всего, это не я».

К тому времени, когда занавески опустились, цвет щек Бай Лисиня вернулся к норме, и в коридоре раздался нежный зов священника.

Ся Чи: «Итак, брат, почему бы нам не создать секретный код? Так мы узнаем, кто говорит».

Голос за дверью становился все ближе и ближе, и Бай Лисинь покачал головой: «Нет, мы только вчера вошли в копию, и этот призрак не только подражал твоему голосу, но даже тон голоса был изысканным, и он даже знал, как звать мне «брат».

— Как ты думаешь, откуда он узнал твой голос? Этот призрак может читать воспоминания людей, так что даже если мы создадим секретный код, велик шанс, что другая сторона получит к нему доступ. Смысл кодового слова в том, чтобы быть безопасным, но в противном случае оно только увеличит опасность.

Ся Чи в тревоге опустил плечи. Дверь в комнату внезапно распахнулась снаружи, и снаружи с улыбкой на губах стоял человек в мундире священника без единой складки: «Вы хорошо выспались, дети? Пора спускаться завтракать».

Двое посмотрели друг на друга, и через открытую дверь комнаты в коридоре уже стояло несколько игроков.

Ся Чи только встал, а его постель была еще не заправлена. Он уже собирался сделать это, когда его остановили: «Ты очень послушный, дитя мое. Но нет необходимости убирать; сестра придет убирать комнату позже, так что поторопись и спускайся».

Бай Лисинь тайно сплюнул.

Ты даже не умеешь стучать в дверь. Призрак был вежливее тебя.

Они вдвоем вышли и обнаружили, что в коридоре уже стоит дюжина человек.

Они тихо подошли к концу очереди, и когда они проходили мимо игроков, Бай Лисинь заметил, что у некоторых из них были приятные лица, но большинство из них выглядели не очень хорошо.

Две разные эмоции, сложенные вместе, сделали выражения друг друга немного более отчетливыми.

Еще два игрока вышли из комнаты и встали позади Бай Лисиня и Ся Чи.

Священник, возглавлявший группу, пересчитал всех и спросил у стоявшей рядом с ним монахини: «Почему их всего 18 человек, а где еще двое?»

У монахини была улыбка на лице, и ее голос был мягким, когда она говорила: «Это все люди. В двух комнатах не хватает по одному человеку».

"Ерунда!"

Низкий рев привлек внимание всех игроков к лицу священника.

У священника все еще была улыбка на лице, но две изогнутые брови были нахмурены к середине, но уголки его рта все еще были изогнуты в полумесяц.

Все лицо напоминало клоунскую маску, и хотя он улыбался, игроки все равно чувствовали его гнев.

«Я думал, что сказал вам не открывать глаза ночью и что вы не должны отвечать, кто бы ни звал вас».

Взгляд Бай Лисиня упал на руки священника, опирающиеся на трость, и заметил, что тыльные стороны рук другого мужчины дрожат и на них вздулись синие вены.

"Это опасно; вас утащит парень с другой стороны, и вы никогда не вернетесь».

Осталось восемнадцать игроков, двое исчезли.

Похоже, прошлой ночью ничего не произошло, но хотя он не слышал никакого движения, когда не спал, это могло произойти после того, как он потерял сознание.

Бай Лисинь открыл панель задач, и в верхней ее части число выживших игроков по-прежнему было 20. Даже если их забрали, два игрока не умерли.

— Кто этот парень с другой стороны? В коридоре раздался спокойный и холодный голос.

Все посмотрели на голос, и когда они увидели, кто задал вопрос, на их лицах отразилось несколько моментов удивления.

Это была та элегантная красавица с 72-го этажа.

Разве у него не выросли глаза? Разве он не видит, что этот NPC вот-вот взорвется? Он выбрал это время, чтобы спросить, потому что тоже хотел быть запертым?

Конечно же, уголки губ священника, которые улыбались, опустились, и пара глаз холодно уставилась на Бай Лисиня.

Без улыбки толпа поняла, что глаза священника были необычайно темными, а в середине зрачков не было отражения, как у большинства людей, только абсолютная глубокая чернота.

Он выглядел как обычный человек, когда улыбался.

Но когда его лицо ничего не выражало, его тело выглядело неподвижным, как у манекена.

Это было явно не так, но симпатичный молодой человек на 72-м этаже, похоже, даже не осознал серьезности проблемы и еще раз заговорил: «С той стороны, с какой стороны?»

Он закончил, добавив: «Вы сами сказали это вчера. Вопросы можно задавать только не во время еды».

Зрачки священника на мгновение округлились, и выражение его лица начало медленно возвращаться к нормальному: «О, да. Я это сказал. Другая сторона — это мир мертвых, и однажды войдя в мир мертвых, вы уже не сможете вернуться в мир живых».

Глаза Бай Лисиня опустились.

Был ли это другой внутренний мир?

Улыбка вернулась в глаза священника: «Ну, дети, я сейчас был не в духе. Но я сделал это для твоего же блага. Теперь, когда припасов на улице мало, Дом Красного Яблока — единственное чистое место в мире. То, что никто другой не может съесть, вы наслаждаетесь в свое удовольствие».

Они последовали за священником вниз, чтобы позавтракать очень плотно.

Бай Лисинь шел сзади и наблюдал за священниками и монахинями.

Они шли немного скованно, но очень ритмично.

Как будто все были одинаково подготовлены делать шаги одинакового размера, с поднятыми коленями на одинаковую высоту и угол.

Кривизна улыбок была абсолютно одинаковой, так что можно было сказать, что детали были доведены до крайности.

День выдался по-настоящему мирным, а после завтрака наступило время отдыха. Улыбающийся священник повел их в яблоневый сад, где они были вчера, сказав только, что они будут веселиться и что они позовут их на обед, когда придет время.

Двумя пропавшими игроками были мужчина и женщина.

Бай Лисинь вспомнил, что женщина-игрок только достигла 200-го этажа. Несмотря на их отсутствие, игроки в саду сохраняли выражение лица.

Они были игроками-ветеранами, и страх и оцепенение должны найти баланс.

Линь Цзюэ созвал людей, и он сел под тем же большим деревом, что и вчера, все еще сидя в той же позе и все еще играя с маленьким кинжалом в руке.

«Прошлой ночью я пошел в камеру заключения, — легкомысленно сказал Линь Цзюэ, — и получил там задание».

Любопытство вспыхнуло в глазах других игроков, когда они услышали, как Линь Цзюэ продолжил: «Вот что я имел в виду. Изучение копии ночью имеет больше шансов вызвать выполнение задач».

«Это была несложная задача, и я уже ее выполнил».

Толпа была ошеломлена, и один за другим они тайно открывали панель задач, ничего не говоря.

На панели задач эти 200 000 очков каким-то образом сократились на 3000 очков до 197 000.

Один из игроков смело заговорил: «Можешь рассказать нам, в чем заключалась задача?»

Линь Цзюэ излучал очень сильную ауру со следами свирепости и безжалостности между его бровями. Он был похож на гепарда на лугу, заставляя людей смотреть на него со страхом.

Многие игроки здесь на самом деле немного боялись Линь Цзюэ.

Линь Цзюэ искоса взглянул на этого игрока и сказал: «Задача была очень простой. Мне пришлось остаться в камере заключения на одну ночь, но я должен был не спать».

Другой игрок резко заговорил: «Так просто?»

Линь Цзюэ: «Да».

Говорящий игрок был в очках, и человек в очках несколько недоверчиво сказал: «Это копия S-ранга, как это может быть так просто?»

Бай Лисинь тихо сидел в углу, его взгляд упал на кончики пальцев Линь Цзюэ.

Линь Цзюэ задумался на две секунды: «Если ты действительно так говоришь, там что-то есть. Ночью в карцере было оченьлюдно, меня зажало в угол, и я чуть не задохнулся».

— В карцере было много людей?

Линь Цзюэ: «Это неправда, я был единственным».

Услышав слова Линь Цзюэ, лица игроков резко изменились.

Линь Цзюэ был там один, но его загнали в угол.

Его сжал не человек!

Эта миссия заключалась в том, чтобы провести ночь с призраком? И не спать?

Это было так просто?

Простота большого босса не была такой же, как у них, не так ли?!

«Я пытался открыть глаза в карцере».

Следующее предложение Линь Цзюэ снова вызвало любопытство у других игроков.

Открыл глаза? А что потом?

Линь Цзюэ: «Я увидел кучу потрясающих милашек. Открыть глаза ночью не проблема, но следите за своим выражением лица и...»

Он сжал большой и указательный пальцы и сделал молниеносное движение вокруг рта: «Ш-ш, не издавайте ни звука, будьте молчаливым ягненком».

«Я предполагаю, что два игрока ответили на зов призраков и были схвачены».

"Верно." Женщина-игрок заговорила: «Я не принимала лекарства, и призрак подражал моему голосу, зовя соседа по комнате к моей кровати. Я была так удивлен, что хотела предупредить другого игрока, но не могла говорить. Я могла только тайно молиться, чтобы она заснула или проигнорировала меня».

— Но она ответила.

«Затем я услышала приглушенный звук, как будто ее во что-то пихнули и уволокли прочь».

Женщина-игрок глубоко вздохнула, ее лицо начало выглядеть немного хуже, когда она вспомнила события прошлой ночи.

Игрок мужского пола выплюнул: «Мы уже достигли 200-го этажа; как мы можем до сих пор делать такие дешевые ошибки? Перед уходом NPC предупредил нас, что мы не должны отвечать, даже если нас назовут».

Однако ответа на этот язвительный комментарий он не получил. Достигнув 200-го этажа, все привыкли видеть смерть. Ни у кого не было сил смеяться над чужой ошибкой, потому что никто не знал, будет ли следующая ошибка совершена им самим.

<http://bllate.org/book/14977/1324663>